

СМЕНА

КАК всякое яркое явление, недавняя выставка произведений Германа Егошина вызвала различные оценки и мнения. Вот несколько записей в книге отзывов.

«Я не знаток в живописи, но меня пленили своей музыкальностью картины Егошина...»

Сергеева».

«Если цель искусства — служить народу, воспитывать эстетические и художественные вкусы масс, то в данном случае выставка не достигает цели...»

Музыкант-педагог...»
(подпись неразборчива).

Записи в книге отзывов возникают как мгновенная реакция на увиденное. Они непосредственны, категоричны и потому полны в оценках. Проходит время, зрители успокаиваются, но выставка их «не отпускает». Люди вспоминают, у них возникают ассоциации и сравнения с виденным ранее. Отношение к выставке становится неоднозначнее и сложнее. Тогда в редакцию приходят письма. В них преобладают не утверждения,

композиций. Жизнь цветочной краски — таков их подлинный сюжет. Ощутившие это бывают вознаграждены общением со сложным и богатым миром художника. Рассматривающие живописный язык как препятствие почему-то обвиняют в холодности живописца, обкрадывая этим лишь себя.

Цветная материя живописи Егошина имеет свою биографию, свой ход и развитие. Видя его холсты, невольно смотришь на... даты. Надписи только подтверждают догадку — у каждого времени есть свой цвет. Да, конечно, с годами меняется манера, этап следует за этапом. Но здесь иное — полотна Егошина безошибочно вызывают ощущение исторического времени. Словно общая эмоциональная память продолжает жить, материализовавшись в его холстах.

Суровый стиль начала 60-х имел общие приметы в работах разных художников. Асфальт улиц, лес заводских труб и скрежещающий металл

Особая острота восприятия жизни свойственна работам 70-х годов. Рождаясь в движении и игре фактур, цвет становится величиной материальной и весомой. Высится и крушится плоть краски. Динамика техники сталкивает в противоборстве всю палитру. Драматизмом накален воздух в картине «Судак. Генуэзская крепость». Замешены из одной материи небо и земля, где глинистые охры отзываются фиолетовыми всполохами жаркого воздуха, горением черепичных крыш.

При определенном постоянстве тем, мотивов, натуры — Ленинград или Крым, лики улиц и массивы гор, ночной город или всплески розовых тополей на окраинах — живопись Егошина обладает напряженным внутренним развитием. Она течет, и вместе с меняющимся временем в ней нарастает новое качество цвета и смысла. Взмывающая движением чувства живописная среда в 80-е годы постепенно уступает место состояниям проветренности и созерцания. Кисть больше не спешит, позволяя удивиться величии природы («В горах под Коктебелем»). Легок, как воздух, «Розовый день в Крыму».

Плотная, вязкая, цветочная материя краски словно хочет освободиться от собственной тяжести. От работы к работе нарастает эта потребность. Материальное искусство живописи все сильнее тяготеет к невидимому миру музыки — музыкальные темы закономерно возникают в творчестве художника («Концерт старинной камерной музыки», «Филармония»). Просветленное пространство «Концерта...» перекликается с целым рядом пейзажей, полотном «Балкон на море», где густая, как паста, фактура становится светочной, плотность краски творит бесплотный свет моря и неба, овалы решетки, кувшины и ваз.

Живопись Егошина последних лет созерцательней, одухотворенней и вместе с тем неопределенней. Странно звучит в разговоре о живописи, но работы будто становятся графичнее. Краска, теряя вязкость, оставляет сухой светлый след, кисть чертит графика пальм, пунктир движения толпы («Прогулка»). Спешат по набережной люди, но не спешит художник. Он наблюдает и прислушивается. Теперь нет той очевидности форм, цвета, облика, что рвались с прежних полотен. Чуть жаль былого эмоционального накала. Но, может быть, прозрачность и созерцательность есть качество сегодняшнего воздуха?

Живопись Егошина невольно заставляет задуматься о больших категориях, о времени вчерашнем и сегодняшнем. Заставляет ощутить себя в меняющемся мире. Она воспитывает эстетические и художественные вкусы зрителей, заставляя их откликнуться на жизнь цвета и биографию краски. И таким образом понять духовный опыт художника, сопереживать ему.

Почти четверть века работает художник. Казалось бы, достаточный срок, чтобы делать какие-то выводы. Но его искусство художника столь внутренне динамично, так таинственно и крепко слиты в его работах жизнь цвета и течение времени, что остается впечатление открытого финала. Манящей перспективы. Обещаний, надежд, прогнозов...

О. САВИЦКАЯ

ЦВЕТНОЙ ВОЗДУХ ВРЕМЕНИ

и вопросы. Пишущим нужно понять художника, чтобы разобраться в себе.

«Смотреть выставку Егошина было как-то странно. Словно пробиваешься через горы красок. Но потом все время вспоминаю картины, и эта память доставляет удовольствие. Эти полотна чем-то похожи на прибалтийские гобелены, объемные, с толстыми нитками... Наверное, я не права? Нельзя их сравнивать? Но все равно в искусстве Егошина есть какая-то тайна. Картины на вид тяжелые, а память о них — легкая.»

В. Глебова».

«На выставку пошел по рекомендации знакомых, очень ее хвалили и восхвалялись ею. Не то чтобы не понял, а не принял. Смотреть ее тяжело. Краски, краски, а преджетов не видно. Разве это искусство? Что хотел сказать художник?»

Владимир Орлов».

СИМЕНЕМ этого ленинградского живописца связан целый круг представлений, надежд, прогнозов. Отношение к его искусству — пристрастное: ярко заявивший о себе в начале 60-х годов, он продолжает быть одной из наиболее интересных и живых фигур в ленинградской живописи.

В основе своей искусство Егошина — гармонично. Предпочтение он отдает пейзажам, в которых подготавливается появление крупных полотен. Темы и мотивы избирает простые. Ленинград и Крым служат ему почти неизменной натурой. За кажущейся простотой творимого им мира кроется напряженная внутренняя жизнь, требующая активного сотворчества зрителей. Может быть, именно это вызывает порой упреки и непонимание: ведь умение смотреть — тоже работа, нелегкая, но благодарная для тех, кто хочет увидеть.

В чем же захватывающая сила искусства Германа Егошина? Герман Егошин наделен даром подлинного живописца. Как всегда при сопереживании с чем-то настоящим, начинаешь понимать простые вещи: живописец — это не человек, наносящий изображение на холст, а единое целое художника, материала и мира, когда краска на полотне и цвет в природе объединены жестом творца. Его техника — виртуозна. Кажется, он ощущает вес и дыхание цвета, являющегося героем натюрмортов, многочисленных пейзажей и больших фигурных

городских трамваев — вот среда обитания их простых и мужественных героев. Программой для советского искусства тех лет становится фигура Маяковского. Поэтические спектакли по его произведениям шли по всей стране, художники избирали его героем своих полотен. Таким он и предстает на картине Егошина «Маяковский». Поэт, чей шаг, нога в ногу сливаясь с шагом толпы, врезается в ущелья улиц, в жизнь, сдвинутую динамикой преобразований.

Нет, не случайно так привлекал к себе фигура поэта. У него учились художники гражданской проповеди и лирической исповеди. Насыщенность внутренней жизни диктовала обращение к тематике негромкой, но емкой. Именно этот путь избрал Егошин во второй половине 60-х. В эту пору рождается индивидуальный язык живописца, обретает зримые черты его уникальное видение мира.

Теперь простой натюрморт или пейзаж самой скромностью своей позволял конденсировать энергию, что билась в динамичных полотнах начала 60-х. Прежняя жесткость касаний растворяется в пульсирующей среде. Мягче контуры предметов в натюрмортах. Пластичнее мазок. Насыщенный цвет в пейзаже. Сквозь единую цветовую изморозь синет лед и стоит дымное солнце над рекой — «Фонтанка. Мороз». Сближаются в тоне густое раскаленное небо и ставшая легкой от зноя земля в коымских пейзажах.

На смену динамике движения приходит понимание мира как единой живой, пластичной, колышущейся цветочной материи. Какой бы активной ни была жизнь цвета, он никогда не становится независимым и конфликтным. Цвет Егошина пластичен и дружен с окружением. В этом смысле «Автопортрет в старинном костюме» является и «портретом мировоззрения» художника, осознавшего свое единство с миром. Здесь все взаимопроницаемо. Фигура героя сотворена из той же живописной ткани, что и фон. Человек и среда дышат воздухом одного цвета.

Живопись Егошина глубоко лирична. Напрасно в нашем сознании понятие «лиризм» предполагает негромкость и неяркость языка. Лирическое переживание жизни есть действие предельно активное. И потому чревато драматизмом отношений человека и мира.